

ФЕЛИКС ЛИБЕРМАН (1851–1925).
ПОРТРЕТ ИСТОРИКА НА ФОНЕ ЭПОХИ

Аннотация: Статья посвящена немецкому медиевисту Ф. Либермана (1851–1925 гг.), почти неизвестному русскоязычной аудитории. Современники восхищались его работоспособностью, глубоким знанием источников и критическим чутьем, сравнивая с Шерлоком Холмсом. При этом Либерман никогда не преподавал, не занимал официальных постов в научных учреждениях и не оставил школы. В контексте его эпохи рассматриваются жизнь и научная биография Либермана, в т. ч. методологические установки, которыми руководствовался ученый; влияние на его работы политического контекста (прежде всего, немецко-британских отношений), а также его еврейского происхождения.

Ключевые слова: историография, Германия, XIX век, древнеанглийские законы, Monumenta Germaniae Historica, Ф. Либерман, У. Стебс, У. Мейтланд.

Об авторе: Мереминский Станислав Григорьевич – кандидат исторических наук, редактор ЦНЦ «Православная энциклопедия», 105120, Москва, Н. Сыромятническая ул., 10а. mereminskiy@gmail.com

7 октября 1925 г. в центре Берлине случилось трагическое происшествие. Рядом с домом номер 10 по улице Бендлерштрассе в районе Тиргартен машина сбила пожилого хорошо одетого господина. Его доставили в больницу, где опознали как известного историка, доктора, профессора Феликса Либермана. Жена пострадавшего поспешно приехала в госпиталь, но травмы оказались слишком серьезны. Либерман в тот же день скончался на руках супруги в возрасте 74 лет. Перед смертью он специально просил, чтобы водителя не обвиняли в случившемся.

Так закончилась биологическая жизнь героя этой статьи, но не его научная биография. Статьи и заметки за авторством Либермана продолжали выходить и в 1926 г., и даже в 1927-м. А некоторые книги, прежде всего монументальные «Законы англосаксов», переиздавали и после

Второй мировой войны. Либерман действительно успел написать и опубликовать очень много. Полная библиография его сочинений представляет собой 60-страничную брошюру и насчитывает более 650 позиций, изданных на протяжении более, чем полувека, начиная с 1875 г. [14]. Большая их часть, надо признать, это рецензии, публицистические газетные статьи и совсем короткие (часто – в абзац) заметки. Но если считать большие исследовательские статьи, брошюры и книги, выйдет порядка 50 позиций. Для историков того времени, не имевших стимулов в виде индексов цитирования и прочих наукометрических показателей – это незаурядный результат. Обращает на себя внимание и чрезвычайно широкий тематических охват трудов. Львиная их доля посвящена английскому Средневековью, с V по XV вв., но отдельные заметки касаются средневековой истории и других европейских стран, а также и некоторым хронологически более поздним темам (например, историческим пьесам Шекспира [31], [32] или образу Жан-ны д'Арк у Бернарда Шоу [33]).

Вместе с тем о самом Либермане как историке написано весьма немного¹. Можно сказать, что его научную биографию еще предстоит написать, в т.ч. используя достаточно обширные материалы его переписки², а также библиотеку, благодаря стечению обстоятельств ныне хранящуюся в

¹ Помимо достаточно многочисленных некрологов ([4], [6], [8], [13], [60]), это прежде всего обстоятельный биографический очерк Д. Хазелтайна в «Трудах Британской академии» [12], а также краткая, но содержательная статья П. Уормалда для «Блэкуоллского словаря историков» [62]. В июле 2008 г. в Институте исторических исследований Лондонского университета прошла конференция, приуроченная к 100-летию публикации главного труда Либермана, «Законов англосаксов». Опубликованный по ее итогам сборник включает 3 статьи, посвященные разным аспектам жизни и творчества ученого [11], [51], [54].

² Только в системе Kalliope, учитывающей материалы немецких архивов, указаны более 400 сохранившихся писем Либермана: <http://kalliope-verbund.info/gnd/116996129>. Еще 8 писем хранятся архиве Т.Ф. Таута в Манчестерском университете: <https://archiveshub.jisc.ac.uk/data/gb133-tft/tft/1/699>. Несомненно, это далеко не исчерпывающий список.

Японии³. Но эта задача выходит далеко за рамки настоящей статьи. Ее цели куда скромнее: во-первых, познакомиться русскоязычного читателя с фигурой Феликса Либермана, во-вторых, через призму его творчества посмотреть на трансформацию, которую европейская историческая наука претерпела в последней четверти XIX и первой четверти XX в.

Будущий историк родился 20 июля 1851 г. в Берлине, в состоятельной еврейской семье [53]. Основу успеха заложил дед Феликса – Йозеф Либерман (1783–1860 гг.), переехавший в Берлин из Восточной Пруссии в 1820-е гг. и основавший с братом текстильное производство. Одним из первых Либерман начал применять машинное производство, что, по семейной легенде, позволило ему однажды заявить королю Пруссии Фридриху-Вильгельму III (правил в 1797–1840 гг.), что он «изгнал англичан из Европы», имея в виду, что его продукция заменила индийскую хлопковую ткань (так называемый чинц), ввозившийся в Европу британцами. Отец историка – Луис (Лейзер) Либерман (1819–1894 гг.), продолжил дело как текстильный фабрикант и торговец. Матерью будущего ученого была Филиппина (1822–1892 гг.), в девичестве Халлер, дочь берлинского ювелира Йозефа Бенъямина Халлера (1772–1838 гг.). Старший из сыновей Луиса и Филиппины, Георг (1844–1926 гг.), продолжил дело отца, став текстильным магнатом. Средний брат Макс (1847–1935 гг.) стал самым знаменитым членом семьи, прославившись как художник. На рубеже XIX–XX вв. он считался ведущим проводником идей импрессионизма в Германии, был один из основателей и президентом (в 1898–1911 гг.) берлинского Сецессиона. После Первой мировой войны, уже в статусе живого классика, он возглавлял (в 1920–1932 гг.) Прусскую академию художеств в Берлине⁴.

³ На момент продажи в 1927 г. вдовой ученого библиотека включала 3780 книг и 1762 брошюры и отдельных оттиска статей [2].

⁴ Среди ранних работ Макса был выполненный в 1865 г. портрет 14-летнего младшего брата Феликса, его нынешнее местонахождение неизвестно.

Стоит отметить, что среди близких родственников Феликса Либермана были предприниматели, химики (например, двоюродный брат Карл Теодор Либерман, профессор Берлинского университета и сотрудник концерна «Байер», и племянник Ганс Генрих Либерман), врачи, политики (самый известный – еще один кузен, Вальтер Ратенау, занимавший пост министра иностранных дел Веймарской республики и убитый в 1922 г. боевиками праворадикальной организации «Консул»), но ни одного ученого-гуманитария. Поначалу мало что предвещало такую карьеру и для Феликса. После окончания гимназии в Берлине (1869 г.) он первоначально по настоянию отца готовился участвовать в семейном бизнесе: полтора года работал в банковском доме «Дельбрюк и Ко» в Берлине, а затем на два года отправился на Туманный Альбион, где жил в Манчестере, изучая тонкости текстильного производства и финансовых операций. Именно в этот период, насколько можно судить, у юноши зародился интерес к истории, хотя и неизвестно, с чем именно это было связано. Как бы то ни было, по возвращении в Германию Феликс смог убедить отца разрешить ему делать научную карьеру. Зимний семестр 1872–1873 гг. Либерман учился в Берлинском университете, где, в частности, слушал лекции великих Теодора Моммзена и Густава Дройзена. Затем по состоянию здоровья он, как и многие отпрыски состоятельных европейских семей, предпринял путешествие по Италии. После этого, окончательно убедив отца в серьезности своих намерений относительно занятий историей, Феликс отправился в Гёттингенский университет, где провел 5 семестров. Выбор не был случайным, поскольку он еще с конца XVIII в. славился как центр занятий историей и родина знаменитой «исторической школы права» [66]. Ко времени студенчества Либермана в Гёттингене работали корифеи немецкой медиевистики Георг Вайц и Райнхольд Паули, специализировавшийся по средневековой Англии, а также, например, историк права Фердинанд Френсдорф (будущий учитель Макса Вебера). В январе 1876 г. под руководством Паули

Либерман с отличием защитил диссертацию о «Диалоге о Палате шахматной доски» – важном административном тексте XII в. [21]. В частности, доказал, что считавшееся на тот момент стандартным издание XVIII в. имеет погрешности, предложил новую верную кандидатуру автора текста – Ричарда фитц Нигела и реконструировал его биографию.

В том же году произошло еще одно событие, имевшее важные последствия для научной карьеры Либермана. После длительной административной борьбы Вайц наконец смог добиться отставки престарелого корифея Генриха Перца с поста главы Общества по изучению ранней немецкой истории и сам переехал в Берлин, где предложил программу реформирования главного проекта Общества – серии *Monumenta Germaniae Historica* (далее – MGH). В отличие от эпохи единоначалия Перца руководящим органом Общества стала реформированная центральная дирекция, в состав которой вошли по 2 представителя от Берлинской, Баварской и Австрийской академий наук, а также некоторые другие видные немецкие историки; за каждым из них было закреплено определенное направление. В частности, подборку материалов из английских источников, относящихся к истории Священной Римской империи, было поручено Паули. Тот привлек в качестве сотрудника своего бывшего ученика, в 1877 г. Либерман, хорошо знавший английский, был впервые командирован на остров для работы в библиотеках и архивах.

Во время этого визита 10 июля 1877 г. в библиотеке Британского музея Либерман познакомился с человеком, который стал первым из серии его друзей среди английских медиевистов. Эдмунд Бишоп (1846–1917 гг.) не принадлежал к академической среде и не имел университетского образования. Он был, по сути, историком-самоучкой, который много лет (с 1864 по 1885 гг.) служил клерком в министерстве образования, а в свободное время регулярно штудировал средневековые рукописи [1]. Бишоп, перешедший в католицизм в 1867 г., интересовался историей Церкви и,

особенно, богослужения. В том же 1877 г. он обнаружил в Британском музее ранее неизвестный важный сборник посланий пап Римских (сейчас известен, как «Британское собрание»⁵) и через Либермана сообщил о нем сотрудникам MGH [55]. В итоге, в 1880 г. в журнале Общества по изучению ранней немецкой истории появилась статья Пауля Эвальда с описанием находки Бишопа, который удостоился похвал за прекрасное владение палеографией и критическое чутье [9]. Высокая оценка со стороны «монументистов» закрепила за Бишопом репутацию медиевиста европейского уровня. Бишоп, в свою очередь, помог Либерману получить доступ к рукописям из частных британских собраний. В частности, он составил письмо лорду Эшбернему, который после 1875 г. не разрешал «монументистам» работать в своей первоклассной библиотеке, считая их «изменниками» по отношению к Перцу.

Результатом первого этапа работы Либермана с английскими рукописями стал опубликованный в 1879 г. издательством К.И. Трюбнера в Страсбурге сборник «Неопубликованные англо-нормандские источники» [61]. В него вошли ранее не печатавшиеся 14 хроник в форме погодных записей и 3 агиографических сочинения. Либерман посвятил книгу своему учителю Паули и предпослал ей выразительный эпиграф из трактата английского автора XII в. Вальтера Мапа «Забавы придворных»: «Я ваш охотник: я приношу вам дичь, а вы из нее стряпайте»⁶. Либерман признавал, что сборник не носит систематического характера и указывал, что выбрал лишь те тексты, которые не предполагалось напечатать в рамках выходившей в то время британского проекта издания средневековых источников, т. н. *Rolls Series*⁷. Из своих коллег составитель благодарил

⁵ Ныне London, British Library Add. MS 8873.

⁶ Перевод Р.Л. Шмаракова [64:86].

⁷ В частности, поэтому он отказался от идеи опубликовать «Историю англов» Генриха Хантингдонского, хотя в 1878 г. опубликовал обстоятельную статью, в которой впервые проанализировал биографию Генриха, источники, которыми тот пользовался, а также эволюцию текста «Истории англов» [24].

лишь Э. Бишоп, называя его «верным лощманом», который помог «избежать многих рифов» [61:VI]⁸.

Другим человеком, открывшим Либерману дверь в британское историческое сообщество, стал Уильям Стебс (1825–1901 гг.). Ведущий английский медиевист середины XIX столетия и классик вигской историографии, Стебс был большим поклонником немецкой науки, сторонником идей об общих «тевтонских корнях» немцев и англосаксов. Либерман был представлен ему в 1875 г., когда Стебс приехал в Гёттинген к Вайцу и Паули, с которыми был хорошо знаком. Известно, что Вайц, возглавив MGH, даже предлагал Стебсу официально присоединиться к проекту, однако из-за сложностей коммуникации этого не удалось сделать. В дальнейшем, после назначения на епископские кафедры Честера (1884–1889 гг.) и Оксфорда (1889–1901 гг.), у Стебса осталось меньше времени на занятия наукой, но он следил за новейшей литературой и поддерживал контакты с Либерманом, который исправно посылал ему свои работы. В письме историку Дж. Протеро в 1894 г. Стебс характеризовал Либермана, как первоклассного историка, а также «ясного и рассудительного критика равно людей и книг» [58:356]. Покровительство Стебса открыло Либерману двери английских библиотек, в том числе и частных, но об отношении к нему среди части коллег свидетельствует прозвище «еврей Стебса», который Либермана награждал еще один классик английской исторической науки того времени Эдвард Фримен⁹.

Первым вкладом Либермана в MGH стала подготовка фрагментов из «Истории англоv» Генриха Хантингдонского для сделанной Паули подборки английских хроник в 13-м тома серии *Scriptores* (вышел в 1881 г.) [10]. После скоропостижной смерти Паули в возрасте 59 лет (3 июня 1882 г.) Либерману было поручено продолжить его работу над английскими источниками для MGH. Ее итогом стали

⁸ Известно, что Бишоп читал гранки книги, и Либерман учитывал его замечания [1:91].

⁹ Об этом прозвище упоминает в частном письме Ф. Мейтланд [57:301].

изданные в 1885–1888 гг. 27-й [48] и 28-й [49] тома той же *Scriptores*, под заглавиями «Из английских историописателей XII–XIII вв.» и «Из английских историописателей XIII в.». Самостоятельную ценность имеют предисловия Либермана к отдельными памятникам, в которых собраны его соображения относительно развития английского историописания вплоть до конца XIII в.

Важно отметить, что по окончании Гёттингенского университета Либерман не продолжил формальную академическую карьеру. Он никогда не преподавал и не занимал официальных постов в университетах. По версии, изложенной в одном из некрологов [13:XXV], это было связано с небольшим дефектом речи, но другие современники об этом не упоминают. Известно, что Либерман не раз выступал с публичными докладами на различных мероприятиях. Современные исследователи высказывали мнение, что фактором, помешавшим академической карьере, было общий антисемитский фон в немецкой академии. В его существовании невозможно сомневаться, достаточно вспомнить трагическую историю Филиппа Яффе, который после конфликта с Перцем был подвергнут травле и покончил с собой в 1870 г. Возможно, сам Либерман не был заинтересован в карьере преподавания, вместе с тем, его знакомые отмечали, что он всегда был рад помочь и поделиться знаниями с начинающими коллегами [12:350].

Как бы то ни было, благодаря доле в семейном капитале, а после 1894 г. – в отцовском наследстве Либерман, насколько можно судить, располагал достаточными средствами для самостоятельной научной деятельности. После женитьбы 23 мая 1880 г. на Цецилии Лахман (1860–1943 гг.), дочери богатого торговца зерном и одного из лидеров еврейской общины Берлина Соломона Лахмана (1823–1893 гг.), Либерман начал жить в собственном доме. Брак был бездетным, но по словам всех писавших о нем знакомых, счастливым. Жена сопровождала Либермана в поездках и помогала в работе, хотя, увы, нельзя сказать, в чем именно заключался ее вклад. Известно, что Цецилия

увлекалась искусством, состояла членом берлинского Общества художников. Супруги Либерман занимались благотворительностью, в частности, в 1905 г. создали фонд для поддержки бедных, но проявивших способности студентов.

После завершения в 1888 г. издания английских источников для MGH Либерман смог полностью посвятить себя второму, еще более масштабному, проекту – исследованию и публикации памятников английского права от наиболее ранних раннесредневековых до начала XIII в. Впервые Либерман обратился к этой теме уже в своей диссертации, в ходе работы над которой обнаружил и затем опубликовал ранее неизвестное предисловие к «Законом Генриха I» [19]. Репутация и квалификация Либермана определили то, что именно ему в 1883 г. Фонд Савиньи Мюнхенской академии науки поручил работу над новым изданием раннесредневековых английских законов. Проект был инициирован знаменитыми историками права Конрадом фон Маурером (ему Либерман посвятил первый том «Законов англосаксов» как «старейшему мастеру» германской правовой истории) и Генрихом Бруннером (один из адресатов посвящения третьего тома). Они придавали изданию большое значение, поскольку в духе исторической школы права были уверены: англосаксонское законодательство отражает общий «дух» традиционного германского права, но при этом выгодно отличается от континентальных варварских прав тем, что написано на народном языке, а не на латыни.

Первые наблюдения над корпусом древнеанглийских законов Либерман издал уже в 1884 г. [45], а начиная с 1892 г. он опубликовал целую серию первоклассных источниковедческих исследований и публикаций (в форме статей или брошюр) о различных английских правовых памятниках XI–начала XIII вв.¹⁰ Кульминацией стал выход в 1898–

¹⁰ Важнейшие из них в хронологическом порядке: о сборнике *Quadripartitus* [30], о «Соглашении Кнуда» [17], об «Установлениях Кнуда» [29], о коронационной грамоте Генриха I [36], о «Лондонском сборнике» [39], о приписываемых Кнуду постановлениях о лесах [42], о «Зако-

1903 гг. в издательстве «Макс Нимейер» в Галле несколькими выпусками первого тома «Законов англосаксов», который содержал новые критические издания более 100 текстов VII–начала XIII вв., от древнейших «Законов Этельберта» до т. н. Лондонского сборника, созданного в правление Иоанна Безземельного. Этот поистине монументальный том был посвящен умершему в 1902 г. Мауреру, названному «старейшим мастером германской правовой истории». Кроме того, Либерман в качестве эпиграфа поместил немного измененную цитату из «Од» Горация (Оды. I. 24. 9-10): «Много честных сердец ранила смерть его, но всех больней – мое».

В общей сложности Либерман использовал около 180 рукописей. Для сравнения, предыдущее издание древнеанглийских законов, подготовленное Бенджамином Торпом [59], было основано лишь на 23 манускриптах. В предисловии к первому тому Либерман отмечает, что работал в 23 библиотеках в Лондоне, Кембридже, Оксфорде, Рочестере, Кентербери, Челтенхеме, Холкхеме, Норидже и Риме. В других городах (Дареме, Йорке, Дублине, Глазго, Эдинбурге, Линкольне, Питерборо, Вустере, Эксетере, Руане, Алансоне, Дуэ, Париже, Гамбурге и Копенгагене) рукописи по его просьбе сличали другие ученые. В 1906–1912 гг., также частями, увидел свет второй том с подробными указателем терминов и глоссариями. В предисловии Либерман, в частности, жаловался на хроническое глазное заболевание, осложнившее его работу [20].

Работа над «Законами англосаксов» утвердила Либермана в статусе классика европейской медиевистики. Подтверждением этому стал ряд почетных званий. В Британии он стал членом-корреспондентом Королевского исторического общества (1893 г.), почетным доктором Кембриджского (в 1896 г.) и Оксфордского (в 1908 г.) университетов, Британской академии (1909 г.). В Германии получил от

нах Эдуарда Исповедника» [40], о «Законах Генриха I» [37], о «Законах Вильгельма» [26].

прусских властей звание профессора (не сопряженное ни с какими обязанностями, как и с материальными благами), а также был избран членом-корреспондентом Баварской академии наук и членом Королевского научного общества Гёттингена (оба – 1908 г.). Одновременно с этим развивались и научные связи Либермана. Важной вехой в его жизни стала многолетняя дружба со знаменитым английским историком-правоведом Фредериком Мейтландом (1850–1906 гг.), начавшаяся с переписки в середине 1880-х гг. и продолжавшаяся до смерти Мейтланда. Именно Мейтланд опубликовал наиболее подробную рецензию на 1-й том «Законов англосаксов», хотя в письмах признавался, что не считает себя достаточно компетентным, чтобы в полной мере оценить этот труд¹¹. Рецензия представляет собой очень яркий текст, в котором виды и искреннее восхищение, и смешанные чувства от осознания бесспорного превосходства немецкой науки в этой области. Примечательно, учитывая политический фон немецко-британских отношений начале XX в., что Мейтланд несколько раз использовал метафоры, связанные с войной, торговыми рынками и колониализмом: «Немецкая оккупация значительной части английской истории происходила постепенно. Сфера влияния стала протекторатом, а протекторат – суверенитетом. Берег был исследован и заселен, а теперь пришла пора предъявить справедливые и далеко идущие претензии на золотonosные внутренние регионы... В эту эпоху интернациональной науки мы должны быть или завоевателями, или завоеванными. И если мы не можем демпинговать, то не стоит жаловаться, что демпингуют другие: ни один тариф не защитит нас» [47:141-149].

В предисловии к первому тому Либерман благодарил за помощь и многих других коллег, прежде всего, конечно, британцев. Примечательно, однако, что упомянул он и двух французов: А. Лорике за информацию о рукописях в

¹¹ Показательно, что Мейтланд опубликовал рецензию в литературном журнале *The Quarterly Review*, а не в *English Historical Review* или в каком-либо другом специализированном научном издании.

Руане и Л. Делиля – о рукописях в Париже. Кроме того, в 1913 г., накануне Первой мировой войны, он получил приглашение написать статью для юбилейного сборника в честь французского медиевиста-англоведа Шарля Бемона [38]. К сожалению, практически ничего не известно об отношениях Либермана с П. Г. Виноградовым (1854–1925 гг.), еще одним другом Мейтланда. Виноградов, разумеется, не раз цитирует в своих книгах и «Законы...», и другие тексты, опубликованные Либерманом, но мне не удалось найти содержательных комментариев. В одном из писем Мейтланд выражал надежду, что Виноградов напишет для журнала «English Historical Review» рецензию на «Законы англосаксов», но этого не произошло [57:310–311].

Помимо ранее небывалого охвата материала и источниковедческой дотошности, главным заслугами Либермана как исследователя средневекового английского права ныне признаются открытия, связанные с несколькими памятниками XII–начала XIII вв. Во-первых, он выявил юридическую компиляцию – перевод древнеанглийских законов на латынь – которую назвал *Quadripartitus*, датировал ее началом правления Генриха I и определил, что автор был клириком, связанным с королевским судом. Во-вторых, он заново изучил текст так называемых «Законов Эдуарда Исповедника», окончательно установил, что они не имеют связи с этим монархом, а представляют собой частный правовой трактат, написанный клириком-франкофоном, вероятно архидиаконом в одном из диоцезов Средней Англии, во 2-й четверти XII в. В-третьих, он установил, что сборник *Leges Anglorum*, который ранее считали памятником правления Эдуарда I, то есть рубежа XIII–XIV столетий, в действительности написан почти на век раньше, в 1210-е гг. лондонским клириком, связанным с городской коммуной и враждебно настроенным по отношению к королю Иоанну Безземельному. Последняя гипотеза нашла блестящее подтверждение, когда Таут обнаружил в манчестерской библиотеке Джона Райлендса рукопись нача-

ла XIII в. с текстом *Leges Anglorum*. В 1913 г. Либерман, спустя 40 лет, вернулся в Манчестер, осмотрел манускрипт и затем опубликовал в *English Historical Review* свое открытие [15]. Эта поездка вообще стала, пожалуй, апогеем научной карьеры Либермана. Он приехал в составе германской делегации на 3-й Международный исторический конгресс, который проходил в апреле в Лондоне и стал довольно ярким событием. Примечательно, что в предыдущем конгрессе, в августе 1908 г., Либерман не участвовал, хотя тот проходил в его родном Берлине. На конгрессе 1913 г. Либерман в секции по истории Средних веков представил доклад «Национальная ассамблея в англосаксонский период» (в том же году издан как брошюра в расширенном виде). Более того, именно ему доверили произнести тост от имени немецкой делегации на торжественном банкете в день открытия Международного исторического конгресса в Лондоне 3 апреля 1913 г. (помимо Либермана эта честь была доверена главе российской делегации графу Бобринскому и президенту Британской академии Уорду). Среди прочих светских мероприятий на конгрессе было приглашение участников на экскурсию и чай в Виндзорский дворец, правда, без личной встречи с королем Георгом V. Тогда же Либерман получил приглашение в комитет по подготовке празднования 600-летия Великой хартии вольностей, намеченного на 1915 г.

Однако эти, как и многие другие, планы вскоре нарушила начавшаяся Первая мировая война. Бои начались не только на полях Европы, но и в сфере пропаганды. Так, уже в октябре 1914 г., после международного протеста против уничтожения немецкими войсками библиотеки Лёвенского университета в Бельгии, группа видных деятелей науки и искусства Германии опубликовала т. н. «Манифест 93-х», в котором, в частности, утверждалось: «Мы, представители немецкой науки и искусства, заявляем перед всем культурным миром протест против лжи и клеветы, которыми наши враги стараются загрязнить правое дело Германии в навязанной ей тяжелой борьбе за существование...

Неправда, что наши солдаты посягнули на жизнь хотя бы одного бельгийского гражданина и его имущество, если это не диктовалось самой крайней необходимостью. Ибо постоянно и беспрерывно, несмотря на всяческие призывы, население обстреливало их из засады, увечило раненых, убивало врачей при выполнении их человеколюбивого долга... Неправда, что наши войска зверски свирепствовали в Лувене. Против бешеных обывателей, которые коварно нападали на них в квартирах, они с тяжелым сердцем были вынуждены в возмездие применить обстрел части города... Каждый немец будет оплакивать все произведения искусства, которые уже разрушены, как и те произведения искусства, которые ещё должны будут быть разрушены. Однако насколько мы не согласны признать чье бы то ни было превосходство над нами в любви к искусству, настолько же мы отказываемся купить сохранение произведения искусства ценой немецкого поражения... Без немецкого милитаризма немецкая культура была бы давным-давно уничтожена в самом зачатке. Германский милитаризм является производным германской культуры, и он родился в стране, которая, как ни одна другая страна в мире, подвергалась в течение столетий разбойничьим набегам. Немецкое войско и немецкий народ едины. Это сознание связывает сегодня 70 миллионов немцев без различия образования, положения и партийности» [67:504-505]. Подписи Феликса Либермана под письмом нет, но среди авторов был его брат Макс, а также, помимо прочего, ряд известных историков (Э. Мейер, А. фон Гарнак, К. Лампрехт, Г. фон Шмоллер) [65].

Вместе с тем, Либерман бесспорно стремился помочь победе Германии. Одно время он был сотрудником Бюро военной прессы при германском генштабе, занимаясь анализом британских газет. Вместе с тем, война между его родиной и страной, изучению истории которой он посвятил жизнь, стала непростым испытанием для Либермана. Это хорошо видно по третьему заключительному тому «Законов англосаксов», с общим введением и комментариями,

который вышел в 1916 г. На титульном листе стоит пространное посвящение (датировано 20 июля 1916 г., 65-м днем рождения Либермана): «С благодарностью посвящается памяти Генриха Бруннера и Фредерика Уильяма Мейтланда, величайших современных исследователей правовой истории средневековой Англии, в знак горького воспоминания о блаженном времени мира, когда этот труда был начат, когда Немец с восхищением погружался в государственную жизнь и литературу Британии, а Британец великодушно прокладывал путь для немецких исследований, в том числе и для этого вклада в древнейшую историю его нации; но притом с сердечнейшим выражением горячей надежды на то, что буря ненависти и море крови, которые бушуют в то время, когда эти страницы были дописаны, вскоре будут признаны следствием исторической неизбежности столкновения между бесцеремонными претензиями всемирной империи, привыкшей единолично и постоянно властвовать над мировой торговлей и мореплаванием, и справедливой решимостью объединенного германского народа сражаться за блага этой земли мирно и разумно, но вместе с тем – свободно и твердо, а также развиваться сообразно своей врожденной жизненной силе. Тогда, быть может, сегодняшние враги научатся вновь уважать друг друга и как прежде помогать друг другу в достижении высших целей человечества!» [20:3:III]. Современный английский медиевист П. Уормалд назвал это посвящение «катастрофически неуместным» [63:20-21], и так же его, увы, восприняло большинство современников Либермана. Война оборвала его связи с британскими коллегами, а текст посвящения, когда оно стало известно по другую сторону Ла-Манша, еще более усугубил ситуацию. Формальным символом разрыва стало его исключение, наряду с другими германскими и австро-венгерскими подданными, в 1918 г. из Королевского исторического общества. В тексте посвященной этому заметки говорилось: «Было сочтено обязательным исключить из списков имена членов-корреспондентов германской и венгерской национальностей, а

также немногочисленных ординарных членов тех же национальностей, за исключением случаев, когда эти члены явным образом отмежевались от недавних политических и военных действий своих стран. Может вернуться время, когда ученый мир сможет воссоединиться на основе общего стремления к общей цивилизации, но пока это не так» [52:203]. Этот подход был характерен для стран Антанты и в первые годы после окончания войны. Например, на первый послевоенный Международный исторический конгресс в Брюсселе (1923 г.) немецкие ученые не были допущены, поскольку, как отметил в письме А. Пиренн, Германия «не является частью сообщества наций» [3:103].

С учетом этого неудивительно, что, когда в опубликованном в 1921 г. к 70-летию Либермана поздравительном сборнике было представлено всего 10 авторов (все – граждане Германии) [56]. К сожалению, не было в книге и никакой биографической информации о самом ученом, только краткое поздравление ему и портрет. Единственное поздравление с берегов Туманного Альбиона Либерман получил от Еврейского исторического общества Англии. Либерман был членом-корреспондентом этой ученой организации и, в частности, в 1908 г. выступал в ней с интересным докладом о параллелях с Пятикнижием в прологе к Законом короля Альфреда [25]. Либерман, хотя, насколько можно судить, не был особенно религиозен, неизменно гордился своим еврейским происхождением. В частности, в 1902 г. он написал резкую рецензию на книгу английского историка Дж. Ригга, который предположил, что средневековые утверждения о ритуальных убийствах детей могут иметь под собой некоторую реальную основу [57:246].

В направленном в 1921 г. поздравительном адресе президент Еврейского исторического общества Р. Саламан, в частности, выражал надежду, что такая личность, как Либерман, глубокий ученый, но одновременно честный и простой человек, может помочь восстановить разрушенные войной связи. В опубликованном ответе Либерман выражал благодарность и писал, что с радостью помог

бы перебросить мост, через пропасть, которая разверзлась между Англией и Германией, если бы знал, как это сделать: «Как человек, как германский патриот, как ученый и, не в последнюю очередь, как еврей, я сердечно благодарен Англии за долгую череду милостей, которые она выказала мне как иностранцу» [50]. В том же году Либерман возобновил переписку с одним из своих довоенных британских знакомых, манчестерским медиевистом Т.Ф. Таутом, при участии которого в 1924 г. Либерман был восстановлен в статусе члена-корреспондента Королевского исторического общества. Символично, что одной из последних крупных работ Либермана стала статья об «Истории бриттов» в юбилейный сборник Таута, изданный в 1925 г. [28]. Несмотря на почтенный возраст и пошатнувшееся после войны материальное положение количество и тематическое разнообразие работ Либермана в 1920-е гг. свидетельствует о том, что он был полон сил и планов. В частности, он обращался к сюжетам, связанным с историей западноевропейского канонического права [18], [44], [46], также уже посмертно вышла его большая статья о предпосылках политического объединения Британии в Поздней Античности и в Раннее Средневековье [43], возможно, являвшаяся прологом к новому большому проекту. Однако все планы прервала скоропостижная смерть в результате несчастного случая, описанного в начале этой статьи.

Сам историк не застал политики государственного антисемитизма в Третьем рейхе, но ее жертвами стали многие его родственники. Брат, знаменитый художник Макс Либерман, почти сразу после прихода к власти Гитлера был изгнан со всех постов, подвергнут обструкции в прессе и умер в изоляции в 1935 г. Племянник Ганс Либерман (1876–1938 гг.), ученый-химик, покончил собой из-за дискриминации. В том же году у всей семьи была конфискована недвижимость. Вдова историка, Цецилия, умерла в январе 1943 г., незадолго до того, как ее должны были отправить в пересыльный лагерь Терезиенштад. Вдова Макса Либермана Марта в марте того же года покончила с собой

перед отправкой в концлагерь. Среди жертв Холокоста был и историк права Пауль Абрахам, помогавший Либерману в работе над глоссарием в составе «Законов англосаксов».

Говоря о Либермане как об историке, все отмечали прежде всего широту его интересов, трудолюбие и прекрасное критическое чутье. Не случайно Мейтланд сравнивал своего друга с индейским следопытом или Шерлоком Холмсом [47:155], а также восхищался его «рысьими глазами» [57:206], схватывавшими мельчайшие нюансы текстов в рукописях. Помимо ориентации на максимальный охват рукописной традиции любого источника Либермана отличало стремление учесть, как бы мы сейчас сказали, социальный контекст: личность автора, его этническое происхождение, связи, предполагаемую аудиторию, последующую рецепцию источника в Средние века. При этом Либерман обладал способностью видеть за любыми текстами, пускай даже юридическими или административными трактатами, создававших их людей, а также реконструировать их биографию. Примерами этого, помимо работ о таких памятниках, как *Quadripartitus*, «Законы Эдуарда» или «Лондонский сборник», служат статьи о Генрихе Хантингдонском [24], поэте Регинальде Кентерберийском [31], юристе магистре Вакарии [27], о влиянии архиепископа Гуго Лионского на Ансельма Кентерберийского [16].

Хотя Либерман, насколько известно, не изучал в университете древнеанглийскую филологию, он стал признанным экспертом в этой области. Филолог А. Брандль вспоминал, что когда ему заказали книгу по истории английской литературы, он обратился к своему коллеге по Страсбургскому университету историку Г. Бреслау с вопросами о некоторых памятниках древнеанглийской литературы, то услышал в ответ: «Все это знает только Либерман, а больше никто» [4:2]. Впрочем, нужно признать, что в некоторых случаях ученый все же не вполне верно истолковывал древнеанглийский текст или недостаточно учитывал его специфику [54]. Также одной из ныне отвергнутых идей Либермана стало его предположение о том,

что антикварий елизаветинской эпохи У. Лэмбард пользовался несохранившейся рукописью древнеанглийских законов. Позднейшие исследователи установили, что приводимые Лэмбардом уникальные древнеанглийские тексты представляют собой его собственные обратные переводы с латыни из сборника *Quadripartitus* и, таким образом, Либерман ошибочно использовал их в своем издании [5:252].

Важно отметить, что принципы Либермана как публикатора средневековых текстов претерпевали определенную эволюцию или, возможно, варьировались в зависимости от вида источника. В раннем сборнике «Неопубликованные англо-нормандские исторические источники» он, следуя принятой в MGH в XIX в. практике, напечатал лишь те части хроник и житий, которые содержали «оригинальную», т. е. ранее не известную исследователям, информацию, из-за чего во многих случаях по его изданию невозможно составить адекватное представление о тексте. Существенно иным был его подход к презентации материала в «Законах англосаксов». Отказавшись от попыток, как это делали его предшественники, реконструировать некий идеальный *Ur-Text* каждого памятника, он стремился максимально точно воспроизводить фактически сохранившиеся рукописи, даже там, где они, по его мнению, содержали позднейшие ошибки. Одновременно с этим Либерман стремился дать читателю возможность максимально удобно сопоставить между собой родственные памятники и для этого использовал целый набор типографских средств: выделение курсивом, разрядкой, уменьшенным и полужирным шрифтами, параллельные колонки¹², несколько уровней сносок. Наряду с несомненными плюсами этот способ публикации требовал значительных интеллектуальных усилий и внимания от читателя, тем более что Либерман активно поль-

¹² В экстремальных случаях их количество достигало 5-6. Например, при публикации Законов Кнуда параллельно воспроизводятся 2 версии на древнеанглийском языке, 3 средневековых латинских переложения и перевод-интерпретация самого Либермана на современный немецкий язык.

зовался условными обозначениями отдельных памятников и рукописей, которые расшифровывались только один раз, при первом упоминании. Это отметил уже Мейтланд, сравнив «Законы анлосаксов» с партитурой оперы и шутливо отметив, что редактор как будто специально решил не печатать даже шесть слов подряд одним и тем же шрифтом [47:152]. Те же упрёки можно адресовать и другим работам Либермана, который, как отметил тот же Мейтланд, «в своем стремлении к сжатости становится почти алгебраистом» [47:153].

Говоря уже не о форме, а о содержании трудов Либермана, стоит отметить, пожалуй, главный недостаток, который отмечают в них современные исследователи: подход к раннесредневековому английскому праву (а во многом – и к другим социальным институтам) как к почти статичной системе. Задача исследователя в этом случае сводилась главным образом к тому, чтобы извлечь из источников релевантную информацию и попытаться свести ее во внутренне непротиворечивую систему, а также поставить в контекст права других «германских» народов. Именно это Либерман попытался сделать в большинстве статей, порой весьма пространных, глоссария из 2-го тома «Законов англосаксов», которые, по замечанию Уормалда, написаны скорее юристом, чем историком [63:23-24]. Либерману не довелось дожить ни до появления журнала «Анналы», ни до новаторских работ таких немецких медиевистов, как Э. Канторович, В. Левизон или Й. Шпёрль.

В целом, и по своим методологическим установкам, и по социальному положению Либерман был плотью от плоти классической европейской исторической науки, которая безвозвратно канула в огне Первой мировой войны и последовавших за ней революций. Показательно, что он стал едва ли не последним примером «джентльмена-историка», вольного гражданина «республики ученых», который может полностью посвятить себя научным исследованиям, не тяня нелегкую преподавательскую лямку или ища иные способы добыть хлеб насущный. После первой мировой

войны подобная карьера была невозможна. Это убедительно, практически на уровне лабораторного эксперимента, показывает судьба его знаменитых младших современников, Э. Панофского (1892–1968 гг.) и того же Канторовича (1895–1963 гг.), которые, как и Либерман, тоже родились в состоятельных еврейских семьях, но в условиях Веймарской республики вынуждены были сперва искать официальное место в академической среде Германии, а после прихода к власти Гитлера – эмигрировать.

В силу особенностей биографии Феликс Либерман не оставил после себя непосредственных учеников. Более того, сам монументальный масштаб «Законов англосаксов» создал иллюзию, что в этой области сделано едва ли не все, что возможно, а потому вплоть до последней четверти XX в. изучение раннесредневекового английского права практически стагнировало. С тех пор благодаря П. Уормалду, Л. Оливер, Б. О’Брайану и другим исследователям в этой области были достигнуты большие успехи. Появились новые публикации источников, монографии и статьи, заменившие многие работы Либермана, уточнившие или опровергнувшие его заключения. Но сам факт того, что идеи и труды этого историка спустя почти век после его смерти остаются в поле научной дискуссии, указывает на масштаб его личности.

Литература

1. *Вальтер Ман.* Забавы придворных / Издание подготовил Р.Л. Шмараков. СПб., 2020.
2. *Дмитриев А.Н.* Мобилизация интеллекта: Международное научное сообщество и Первая мировая война // Интеллигенция в истории. Образованный человек в социальных представлениях и действительности / Отв. ред. Д.А. Сдвижков. М., 2001. С. 196-235.
3. Немечкая историческая школа права. Челябинск, 2010.
4. *Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания за 9 лет. Т. 1. М., 1936.
5. *Abercrombie N.* The Life and Work of Edmund Bishop, Esq. London, 1959.

6. *Arimitsu H.* The Liebermann Library in Tokyo // English law before Magna Carta. Felix Liebermann and Die Gesetze der Angelsachsen / Ed. S.A. Jurasinski et al. Leiden, 2010. P. 27–42.
7. *Bentley M.* Modernizing England's past: English historiography in the age of modernism, 1870–1970. Cambridge, 2006.
8. *Brandl A.* Felix Liebermann // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1925. 1926. Bd. 150. S. 1–5.
9. *Dammery R.* Editing the Anglo-Saxon Laws: Felix Liebermann and Beyond // The Editing of Old English: Papers from the 1990 Manchester Conference / Ed. D.G. Scragg, P.E. Szarmach. Cambridge, 1994. P. 251–261.
10. *Davis H.W.C.* Felix Liebermann // English Historical Review. 1926. Vol. 41. P. 91–97.
11. Die Heiligen Englands: Angelsächsisch und Lateinisch / Hrsg. F. Liebermann. Hannover, 1889.
12. *Ekwall E.* Felix Liebermann // Beiblatt zur Anglia. Mitteilungen über englische Sprache und Litteratur und über englischen Unterricht. 1926. Bd. 37. S. 289–295.
13. *Ewald P.* Die Papstbriefe der Britischen Sammlung // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1880. Bd. 5. S. 274–414, 505–596.
14. Ex Henrici Huntingdonensis Historia Anglorum / Ed. F. Liebermann // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 13 [Supplementa tomorum I–XII, pars I]. Hannover, 1881. P. 148–154.
15. *Fruscione D.* Liebermann's Intellectual Milieu // English law before Magna Carta. Felix Liebermann and Die Gesetze der Angelsachsen / Ed. S.A. Jurasinski et al. Leiden, 2010. P. 15–26.
16. *Hazeltine H.D.* Felix Liebermann, 1851–1925 // Proceedings of the British Academy. 1938. Vol. 24. P. 319–360.
17. *Heymann E.* Felix Liebermann // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Germanistische Abteilung. 1926. Bd. 46. S. XXIII–XXXIX.
18. *Kleinschmidt H.* Felix Liebermann, 1851–1925: Bibliographie Seiner Schriften, 1875–1927. Stuttgart, 1983.
19. *Liebermann F.* A contemporary manuscript of the 'Leges Anglorum Londiniis Collectae' // English Historical Review. 1913. Vol. 28. P. 732–745.
20. *Liebermann F.* Anselm von Canterbury und Hugo von Lyon // Historische Aufsätze, dem Andenken an Georg Waitz gewidmet. Hannover, 1886. S. 156–203.

21. *Liebermann F.* Consiliatio Cnuti, eine Übertragung angelsächsischer Gesetze aus dem zwölften Jahrhundert. Halle, 1893.
22. *Liebermann F.* De accusatoribus aus Pseudo-Isidor // Deutsche Zeitschrift für Kirchenrecht. 1902. Bd. 11. S. 1–5.
23. *Liebermann F.* Die Abfassungszeit der Leges Heinrici // Forschungen zur deutschen Geschichte. 1876. Bd. 16. S. 582–586.
24. *Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen, 3 Bde. Halle, 1903–1916.
25. *Liebermann F.* Einleitung in den Dialogus de scaccario. Göttingen, 1875.
26. *Liebermann F.* Ein ungedrucktes Vorwort zu den Leges Heinrici Primi // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, germanistische Abteilung. 1882. Bd. 3. S. 127–137.
27. *Liebermann F.* Gerefa // Anglia. 1886. Bd. 9. S. 251–266.
28. *Liebermann F.* Heinrich von Huntingdon // Forschungen zur deutschen Geschichte. 1878. Bd. 18. S. 265–295.
29. *Liebermann F.* King Alfred and Mosaic Law // Transactions of the Jewish Historical Society of England. 1912. Vol. 6. P. 21–31.
30. *Liebermann F.* Leis Wilhelme // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1901. Bd. 106. S. 113–138.
31. *Liebermann F.* Magister Vacarius // The English Historical Review. 1896. Vol. 11. P. 305–314, 514–515, 747–748.
32. *Liebermann F.* Nennius, the Author of the Historia Brittonum // Essays in medieval history presented to Thomas Frederick Tout / Ed. M. Tout et al. Manchester, 1925. P. 25–44.
33. *Liebermann F.* On the Instituta Cnuti Aliorumque Regum Anglorum // Transactions of the Royal Historical Society. 1893. Vol. 7. P. 77–107.
34. *Liebermann F.* Quadripartitus, ein englisches Rechtsbuch von 1114. Halle, 1892.
35. *Liebermann F.* Raginald von Canterbury // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1888. Bd. 13. S. 517–556.
36. *Liebermann, F.* Shakespeare als Bearbeiter des King John // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1922. Bd. 142. S. 177–202, 1923. Bd. 143. S. 17–46, 190–203.
37. *Liebermann F.* Shakespeares Anschauungen von Staat, Gesellschaft und Kirche in Heinrich VIII // Sonderausgabe aus Beiträge zur Literatur- und Theatergeschichte. Berlin, 1918. S. 13–41.

38. *Liebermann F.* Shaws Bildnis der Jungfrau von Orleans // Historische Zeitschrift. 1925. Bd. 133. S. 20–40.
39. *Liebermann F.* The national assembly in the Anglo-Saxon period. London; Halle, 1913.
40. *Liebermann F.* The text of Henry I's Coronation Charter // Transactions of the Royal Historical Society. 1894. Vol. 8. P. 21–48.
41. *Liebermann F.* Über das englische Rechtsbuch Leges Henrici. Halle, 1901.
42. *Liebermann F.* Über die Gesetze Ines von Wessex // Mélanges d'histoire offerts à Charles Bémont. Paris, 1913. P. 21–42.
43. *Liebermann F.* Über die Leges Anglorum saeculo XIII ineunte Londoniis collectae. Halle, 1894.
44. *Liebermann F.* Über die Leges Edwardi Confessoris. Halle, 1896.
45. *Liebermann F.* Über Ostenglische Geschichtsquellen des 12. 13. 14. Jahrhunderts // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde zur Beförderung einer Gesamtausgabe der Quellschriften deutscher Geschichten des Mittelalters. 1892. Bd. 18. S. 225–267.
46. *Liebermann F.* Über Pseudo-Cnuts Constitutiones de Foresta. Halle, 1894.
47. *Liebermann F.* Vorstufen zur staatlichen Einheit Britanniens bis 1066 // Englische Studien. 1926. Bd. 60. S. 94–118.
48. *Liebermann F.* Zu Bußbüchern der Lateinischen Kirche // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. 1920. Bd. 10. S. 292–301.
49. *Liebermann F.* Zu den Gesetzen der Angelsachsen // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, germanistische Abteilung. 1884. Bd. 5. S. 198–226.
- Liebermann F.* Zur Herstellung der canones Theodori Cantuariensis // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. 1922. Bd. 12. S. 387–409.
50. *Maitland F.W.* The Laws of the Anglo-Saxons // The Quarterly Review. 1904. Vol. 200. P. 139–157.
51. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 27. [Ex rerum Anglicarum scriptoribus saec. XII. et XIII.] / Ed. R. Pauli, F. Liebermann. Hanover, 1885.
52. Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. 28. [Ex rerum Anglicarum scriptoribus saec. XIII.] / Ed. F. Liebermann. Hanover, 1888.

53. Preface // The Jewish Historical Society of England. Transactions. Sessions 1918–1920. London, 1922. P. xxi–xxii.
- Rabin A. Felix Liebermann and Die Gesetze der Angelsachsen // English law before Magna Carta. Felix Liebermann and Die Gesetze der Angelsachsen / Ed. S.A. Jurasinski et al. Leiden, 2010. P. 1–8.
54. Report of the Council, Session 1917–1918 // Transactions of the Royal Historical Society, 4th series. 1919. Vol. 2. P. 199–203.
55. *Scheer R.* Wir Sind Die Liebermanns. Die Geschichte Einer Familie. Berlin, 2006.
56. *Schwyster J.R.* L1 Interference in the Editing Process: Felix Liebermann, the Gesetze and the German Language // English law before Magna Carta. Felix Liebermann and Die Gesetze der Angelsachsen / Ed. S.A. Jurasinski et al. Leiden, 2010. P. 43–58.
57. *Somerville R.* Edmund Bishop and his transcription of the Collectio Britannica // Studia in honorem eminentissimi Cardinalis Alphonsi M. Stickler. Rome, 1992 (Studia e textus historiae iuris canonici; 7).
58. Texte und Forschungen zur englischen Kulturgeschichte: Festgabe für Felix Liebermann zum 20. Juli 1921. Tübingen, 1921.
59. The Letters of Frederick William Maitland / Ed. C.H.S. Fifoot. Cambridge, 1965.
60. The Letters of William Stubbs, bishop of Oxford, 1825–1901 / Ed. W.H. Hutton. London, 1904.
61. *Thorpe B.* Ancient Laws and Institutes of England, 2 vols. London, 1840.
62. Tout T.F. Felix Liebermann (1851–1925) // History. New series. 1926. Vol. 10. P. 311–319.
63. Ungedruckte anglonormannische Geschichtquellen / Hrsg. F. Liebermann. Strassburg; London, 1879.
64. *Wormald P.* Liebermann, Felix // The Blackwell Dictionary of Historians / Ed. J. Cannon et al. Oxford, 1988. P. 245–247.
65. *Wormald P.* The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Oxford, 1999.